
Глава XI
ПУТЬ К ИСТИНЕ

Самое существенное — путь.

Гегель

Завершающая ступень гегелевской системы — философия. Здесь находится «абсолютный конечный пункт» саморазвития духа; учение Гегеля — последняя остановка.

Надо сказать, что Гегель менее всего был склонен приписывать заслугу обретения абсолютной истины лично себе, своему гению. «То, что в моих книгах принадлежит лично мне, ошибочно». Фраза была произнесена Гегелем в дамском обществе, но в каждой шутке — доля серьезности. В своей философии он видел лишь последний, завершающий этап длинного пути самопознания духа, как бы заключительную главу в коллективном труде.

Истории философии создавались и до Гегеля. Но все они страдали недостатком двоякого рода. Иной автор видел перед собой лишь «галерею бессмыслиц» и наивно полагал, что усилием своего интеллекта ему удалось эти бессмыслицы устранить. В других книгах дело ограничивалось лишь перечислением существовавших на свете мнений. Авторов таких «историй» Гегель сравнивал с животными, прослушавшими все звуки музыкального произведения, но не уловившими главного — их гармонии.

История философии — это внутренне необходимое, последовательное, поступательное движение мысли. История философии знакомит нас не с «галереей бессмыслия», а с «галереей героев мыслящего разума», которые проникали (каждый все глубже!) в сущность вещей, природы и духа и добывали для последующих поколений величайшее сокровище знания. История философии — это путь к истине.

События и деяния этой истории такого рода, что меньше всего их можно вменять в вину или заслугу отдельному индивиду, они представляют собой составную часть области

свободной мысли, и эта мысль сама по себе есть творческий субъект. В этом отношении, по мнению Гегеля, история философии противоположна политической истории, где каждый индивид волен поступать по-своему, в зависимости от своих способностей и страстей. Здесь же решающую роль играет традиция, которая, как священная цепь, тянется к нам из прошлого. Каждая система философии возникала с необходимостью и с той же необходимостью уступала свое место другой.

Бывает, правда, замечает Гегель, что новое философское учение выступает с претензией на полное опровержение всего предшествовавшего и обретение истины. Но согласно прежнему опыту оказывается, что к таким философским системам приложимы слова апостола Петра, сказанные Анианию: «Смотри, ноги тех, которые тебя вынесут, стоят уже за дверью» (Деян. 5, 10). Смотри, система философии, которая опровергнет и вытеснит твою, не заставит себя долго ждать. Для себя Гегель, видимо, делал исключение.

Но ни одна система не исчезает бесследно, она продолжает существовать в «снятом» виде, то есть каждая последующая ступень в развитии философии не только необходимо вытекает из предыдущей, но вбирает в себя все ценное, в ней содержащееся. Мы помним идею Гегеля о совпадении исторического и логического: теория познания сливается в общем и целом со своей историей, последовательность понятий в системе философии соответствует исторически возникавшим этапам ее развития. Поэтому, делает вывод Гегель, изучение истории философии есть изучение самой философии.

В последнем он безусловно прав: ни в одной науке история не включена столь непосредственно в предмет исследования, как в философии. И дело здесь не только в том, что тот или иной мыслитель прорубал очередную ступень на пути к вершине познания, создавая единую лестницу философских систем, воспроизводящих последовательность категорий в логике, — Гегель не обошелся без натяжек. Важнее другое: философское знание в силу своего характера обращено к миру как целому, вырабатывает общие принципы подхода к действительности, которые непрерывно совершенствуются, но в каких-то основах остаются незыблемыми. В этом отношении философия аналогична искусству, где изучение истории есть освоение самого предмета.

В основе исторического движения философского знания лежит тот же принцип, что и при построении системы категорий — восхождение от абстрактного к конкретному. Чем

древнее философское учение, тем оно абстрактнее, чем ближе к современности, тем содержательнее, конкретнее. Мы не должны надеяться, что найдем у древних ответы на вопросы, которые поставлены современностью. Гегель решительно и справедливо восстает против модернизации прошлого, но он явно увлекается, изображая то или иное учение лишь как разработку какой-то одной категории в его логической системе. Древние философы не знают наших проблем, но в постановке своих они обладают достаточной широтой и конкретностью.

Гегель узрел не только единую цепь учений, но и зависимость каждого звена этой цепи от окружающих условий. В этом он также не имел предшественников. Философия, говорил он, есть эпоха, схваченная в мыслях. Всякая система философии есть философия своей эпохи, поэтому в наши дни не могут существовать ни платоники, ни аристотелики, ни стоики, ни эпикурейцы, а только их эпигоны. Восстановление этих систем было бы равносильно превращению зрелого мужа в ребенка. Да и не всякая эпоха благоприятствует философствованию; лишь высокая степень зрелости культуры открывает путь для философского мышления.

Философия, по Гегелю, начинается лишь в греческом мире. Дух, правда, зарождается на Востоке, но здесь он не поднимается выше религии. Мы не станем повторять те пристрастные характеристики индийской и китайской культур, с которыми уже знакомы по философии истории Гегеля. Вывод его неумолим: восточную мысль следует исключить из истории философии.

В Греции берет свое начало европейская наука. Гегель называет имена семи греческих мудрецов, стоявших у ее колыбели: Фалес, Солон, Периандр, Клеобул, Хилон, Биант, Питтак, Гермип. Это были практики и политики, люди дела, дававшие мудрые советы согражданам, прославившиеся крылатыми изречениями. «Законы подобны паутине: маленькие попадают, а большие разрывают их», — говорил Солон. Хилону приписывают такой афоризм: «Поручись — и попадешь в беду». Клеобул будто бы сказал: «Мера — важнее всего». Только один из семи был подлинным философом — Фалес, уроженец Милета.

От Фалеса до Аристотеля, с VI по IV век до н. э., продолжается первый период истории греческой философии, ее становление и расцвет. Рассказ о Фалесе Гегель начинает с анекдота: подняв глаза к звездам и наблюдая их ход, Фалес упал в яму, и народ смеялся над ним, говоря, как может он познать то, что происходит на небе, когда он не видит того,

что у него под ногами. Упасть в яму, замечает Гегель, не может только тот, кто раз и навсегда улегся в ней и не решается даже поднять глаза ввысь. Что касается Фалеса, то не следует полагать, будто он витал в сфере чистой мысли и был далек от реальной действительности. Скорее наоборот. Он впервые определил значение для мореплавания Полярной звезды, измерил высоту египетских пирамид (по отбрасываемой ими тени), предсказал солнечное затмение, установил продолжительность года в 365 дней.

Как философу Фалесу принадлежит первая попытка объяснить единство мира, свести многообразие явлений и предметов к единому первоначалу. Таким первоначалом Фалес считал наиболее широко встречающееся в природе вещество — воду. Вода, соединяющая в себе вечное движение с вечным покоем, растворяющая в себе все тела, является материальным источником всего сущего, в том числе и жизни. Фалес отвергал существование мертвой, неосязающей материи, считал, что все предметы имеют душу. Используя современную терминологию, мы можем назвать Фалеса наивным материалистом-гилозоистом. Гегель, однако, дает иную интерпретацию: он уверяет, что первоначально у Фалеса — «не чувственная вода», а «вода как мысль».

Столь же пристрастен Гегель и в изложении взглядов Анаксимандра — друга и ученика Фалеса. Первоосновой сущего Анаксимандр считал не воду и не какое-либо иное конкретное вещество, а некое неопределенное и бесконечное начало — «апейрон». Ему приписывают изобретение солнечных часов, изготовление карты мира и небесного глобуса. Он был первым, изложившим письменно свои философские взгляды. Анаксимандр утверждал, что человек произошел от рыбы.

Одновременно с милетской школой возникает школа пифагорейцев. Пифагору принадлежит термин «философия» — любовь к мудрости. Он ввел преподавание (Фалес и Анаксимандр лишь делились своими мыслями с друзьями) и основал нечто вроде философского общества, члены которого носили одинаковую одежду, вели скромный образ жизни, занимаясь гимнастическими упражнениями, музыкой и наукой.

Согласно учению пифагорейцев, в основе бытия лежат числа и их отношения. Первоначало всех вещей — *единица*, все остальные цифры представляют собой комбинации единиц. Единица — это бог. Соединение *двух* единиц пифагорейцы называли материей и видели в ней единство противоположностей. Большое значение придавалось *троице*, триаде, в которой единица, пройдя через двоицу, снова об-

ретает свою завершенность. Культ троицы от пифагорейцев перекочевал в христианство. Выше триады для пифагорейцев была *тетрада* — напоминание о четырех первостихиях (вода, воздух, земля, огонь) и четырех сторонах света. Далее совершался переход сразу к *десяти* — числу, которое возникает как сумма единицы, двух, трех и четырех, как высшее их единство.

Гегель обращает внимание на то, что за мистикой чисел у пифагорейцев скрывалась разработка первых абстрактных философских понятий — единства, противоположности, множества; в зародыше здесь возникает идея таблицы категорий, разработанная впоследствии Аристотелем.

У пифагорейцев можно обнаружить зачатки современных представлений о нашей планетной системе. В центр Вселенной они помещали огонь; Землю рассматривали как звезду, вращающуюся вокруг этого огня, который, однако, они не отождествляли с Солнцем. Неподвижные звезды; видимые невооруженным глазом планеты — Сатурн, Юпитер, Марс, Венера, Меркурий; Луна и Солнце, а также Земля и некая противоземля — таковы десять движущихся сфер. Здесь, отмечает Гегель, перед нами первая мысль о системе мироздания.

Сферы поют, каждая издает особый звук соответственно своим размерам и скорости движения. Эти величины находятся в гармоническом соотношении друг к другу и соответствуют музыкальным интервалам. Мы не слышим музыки Вселенной, но ведь мы не видим и движения Земли. У пифагорейцев зарождается мысль о том, что вещи сами по себе не похожи на то, как они выглядят.

Противоречие между вещью и внешним проявлением занимает главное место в учениях элейской школы. Отсюда, отмечает Гегель, берет начало диалектика. Чувственное, изменчивое бытие не обладает истинностью; если мы хотим постичь его разумом, мы наталкиваемся на противоречие. Ярче всего эта мысль выражена в апориях Зенона, целью которых было опровержение движения. Чувства говорят нам о том, что предметы движутся, но понять движение невозможно, мысль о нем всегда содержит противоречие, следовательно, делал вывод Зенон, движения не существует.

Вот апория «Летающая стрела». Стрела во время полета находится в данный конкретный момент в данном конкретном месте. В следующий момент она находится в другом месте и т. д. Но если стрела находится в данном месте, то значит, что она стоит в нем, а из суммы состояний покоя не может получиться движения. Движущийся предмет не движется ни в том месте, где он находится, ни в том, где его нет.

Другая апория — «Ахиллес быстроногий». Логически рассуждая, нельзя доказать, что бегун Ахиллес догонит медленно ползущую черепаху. Пока он пробежит расстояние между ними, она хоть и немного, но уйдет вперед. Когда Ахиллес преодолеет это расстояние, она снова, хоть и самую малость, но все же продвинется, и так до бесконечности.

По преданию, философ Диоген опроверг рассуждения Зенона о невозможности движения тем, что встал и начал ходить. Однако своего ученика, который удовольствовался таким «опровержением», он побил палкой за нефилософский подход к делу. Диоген понимал, что Зенон не думал отрицать чувственной достоверности движения, а лишь поставил вопрос о том, как выразить его в логике понятий.

Опровержение апорий Зенона может дать только диалектическая логика, признающая существование противоречий в самой действительности. Движение противоречиво. Когда мы желаем уяснить вообще движение, поясняет Гегель, мы говорим, что тело находится в одном месте, а затем идет в другое место. Во время движения оно уже не находится в первом месте, но вместе с тем еще не находится во втором месте; если бы оно находилось в одном из этих мест, оно пребывало бы в покое. Но где же оно находится? Если скажем, что оно находится между этими двумя местами, то этим в действительности ничего не скажем, ибо в таком случае оно также находилось бы в одном месте, и перед нами возникло бы, следовательно, то же самое затруднение. «Двигаться же означает быть в этом месте и в то же время не быть в нем, — следовательно, находиться в обоих местах одновременно; в этом состоит непрерывность времени и пространства, которая единственно только и делает возможным движение»¹.

Элейцы открыли диалектику с негативной стороны, то есть поставили проблему, решить которую не смогли; Гегель в этом плане сопоставляет Зенона с Кантом. Положительную разработку диалектических идей содержит философия Гераклита. «Нет ни одного положения Гераклита, — пишет Гегель, — которого бы я не принял в свою “Логику”». Согласно Гераклиту, «Вселенную единую из всего не создал никто из богов и никто из людей, но она всегда была, есть и будет вечно живым огнем, закономерно вспыхивающим и закономерно угасающим»². Таким образом, первоначало для Гераклита — огонь. Превращение огня — основа многообразия вещей и явлений. Угасание огня — это «путь вниз», превращение его во влагу, воду и землю. Обратный процесс — воспламенение земли. Природа есть круг, где начало и конец

совпадают. Совпадают и другие противоположности; бытие и небытие есть одно и то же. Догераклитовские учения, считает Гегель, находятся на уровне первой диалектической категории — бытия. Гераклит перешел к следующей — становлению.

Дальнейшая ступень в системе категорий Гегеля, как мы помним, — туманное понятие «для-себя-бытие». Под эту категорию он подводит учение атомистов Левкиппа и Демокрита. Здесь уже явная натяжка. Бегло изложив атомистическую концепцию, согласно которой существуют лишь атомы и пустота, Гегель называет ее «скудной». Не по вкусу ему и материалистическое истолкование сознания. Душа, учили Левкипп и Демокрит, представляет собой шарообразные атомы. От каждой вещи истекают тончайшие оболочки, попадающие в органы чувств человека, так возникают ощущения. Некоторые высказывания Демокрита дают основания полагать, что он различал качества, присущие самим вещам, — протяженность, форму, непроницаемость, и качества, существующие лишь в представлении человека, — цвет, запах, звук. Такое воззрение, замечает не без злорадства Гегель, «открывало настежь дверь дурному идеализму, который полагает, что справился с предметным, когда он соотносит его с сознанием и лишь говорит о нем: оно есть мое ощущение»³. Гегель имел в виду субъективный идеализм.

Новый этап в развитии античной философии начинается с софистов. Слово «софистика» пользуется дурной репутацией; оно означает либо произвольное опровержение чего-то истинного, либо мнимое доказательство чего-то ложного. Но этот смысл возник позднее, а первоначально софист значило — учитель мудрости. Софисты повернули философию лицом к человеку, к мирским делам, пропитали ею человеческие отношения. Софисты были носителями образования, они учили математике, музыке, красноречию. Но софисты не нашли в мышлении никакого твердого основания, поэтому их учение и выродилось в беспринципную игру словами.

Наиболее известные софисты — Протагор и Горгий. Первому принадлежит знаменитое изречение: «Человек есть мера всех вещей». Протагор — скептик. О богах, говорил он, я не могу ничего знать: ни того, что они существуют, ни того, что они не существуют. Так начиналась его книга, которая по приказу Афинского государства была сожжена; автор подвергся изгнанию. Все на свете Протагору представлялось относительным: когда дует ветер, одному холодно, а другому нет, следовательно, нельзя сказать о ветре, что он сам по себе холодный или теплый.

Эти принципы довел до логического завершения Горгий. Его книга «О природе» состояла из трех частей. В первой он доказывал, что ничего не существует. Во второй — даже если предположить, что нечто существует, то все равно оно не может быть познано. В третьей — если бы бытие существовало и открывалось познанию, то невозможно было бы сообщить знание другому человеку.

И вот появляется Сократ. Он, по словам Гегеля, представляет собой одну из самых интересных фигур в древней философии. Сократ непосредственно примыкает к софистам в стремлении низвести философию с небес на землю, «очеловечить» ее, но он противостоит софистам, утверждая наличие неких абсолютных начал, которые находятся выше частных интересов. Это истина, добро, красота и закон. Каждый человек должен самостоятельно, «исходя только из себя», прийти к их познанию и жить в соответствии с ними. Сократ открыл мораль. Афиняне до Сократа были нравственными, а не моральными; они жили, руководствуясь обычаями и разумно приноравливаясь к обстоятельствам, Сократ показал, что существует добро как таковое. Мы помним: нравственность Гегель ставил выше морали; но в данном случае, отмечает он, Афинское государство находилось в состоянии упадка, нравы стали шаткими, и индивид сам должен был заботиться об устоях.

Гегель прежде всего воздаст должное Сократу как человеку: Сократ был невозмутимым и благочестивым образцом моральной добродетели — мудрости, скромности, воздержания, умеренности, справедливости, храбрости, непреклонности, твердой законности перед лицом тиранов и народа; он был далек как от корыстолюбия, так и от властолюбия. Далее внимание Гегеля привлечено к способу, каким Сократ искал истину. Здесь, по мнению Гегеля, берет начало проблема философского метода.

Сократ охотно вступал в беседу с гражданами своего родного города Афины, простыми людьми или государственными деятелями, мудрецами или ремесленниками. Он выбирал в качестве темы то, что непосредственно интересовало их, а затем уводил от данного определенного случая к всеобщим проблемам. Первая задача состояла в том, чтобы внушить недоверие к укоренившимся представлениям. С видом простака, у которого нет задних мыслей, он задавал собеседнику вопросы, будто хотел сам учиться у него. Это была знаменитая сократовская ирония, которая учила человека знать, что он ничего не знает, вызывала замешательство и приводила к размышлению.

Далее вступало в свои права то, что Сократ называл искусством повивальной бабки. Нужно было помочь появиться на свет мысли, которая уже возникла в сознании собеседника. Метод Сократа состоял здесь в том, чтобы правильно задать вопрос, к которому надлежало отнестись с вниманием и уважением. И тогда возникал искомый ответ.

Сократ не пытался создать систему, он апеллировал к совести, интуиции, размышлению отдельного человека. Поэтому в целом дух его учения неприемлем для Гегеля, который не только оправдывает Аристофана, сделавшего в своей комедии «Облака» Сократа объектом насмешек, но в какой-то мере и афинский суд, признавший философа виновным в непочитании богов и развращении молодежи.

На суде Сократ отвел оба эти обвинения. Но суд вынес свой вердикт и, как было принято в Афинах, предложил осужденному самому выбрать наказание: штраф или изгнание. Сократ отказался это сделать, не признав тем самым компетенцию суда. Тогда его приговорили к смерти. Этому решению он подчинился, выпив в назначенный час чашу с ядом.

В судьбе Сократа Гегель видит трагедию Греции. Два противоположных права выступают друг против друга, и одно разбивается о другое. С одной стороны, божественное право существующих законов, с другой — не менее божественное право знания, плод с древа познания добра и зла, всеобщий принцип философии последующих времен. Конец судебной истории Сократа тривиален: посмертно приговор был отменен, а несправедные судьи наказаны смертью или изгнанием.

Следующая великая фигура, на которой останавливает внимание Гегель, — ученик Сократа Платон. Окружающий нас мир чувственно воспринимаемых, изменчивых, непостоянных вещей, по Платону, есть лишь бледное отражение действительного сверхопытного мира идей. Каждая вещь имеет свою идею, которая существует независимо от вещи и является ее истинным бытием, ее сущностью. Каждый конкретный дом — это лишь проявление соответствующей вечной и неизменной идеи дома вообще. Идея, по Платону, есть не что иное, как общее понятие, метафизически противопоставленное чувственно воспринимаемым единичным вещам и наделенное самостоятельным существованием.

Люди не подозревают о существовании мира идеи. Платон сравнивал их с узниками, прикованными в пещере лицом к скале и никогда не бывшими на свободе. Мимо входа в пещеру проходят носильщики и проносят различные

сосуды, статуи, фигуры; узники видят на скале лишь их тени, но принимают эти отражения за сами предметы, так как реальных предметов они никогда не видели. Поскольку окружающие нас вещи не истинные, то и наши ощущения, воспринимающие их, не могут дать подлинного знания. Мир идей может быть познан лишь мудрецом, который, оторвавшись от показаний чувств, припоминает, что его бессмертная душа созерцала в потустороннем мире до появления на этот свет.

Все эти рассуждения, разумеется, из области мистики. Но Платон — философ, и внимательно читающий его обнаружит за мифологической оболочкой глубокие мысли о диалектической природе знания. (Кстати, и термин «диалектика» впервые встречается у Платона.) Гегелевский анализ учения Платона интересен именно в этом плане. Речь идет о совпадении противоположностей. Нечто подобное в образной форме говорил Гераклит, наблюдая окружающий его мир. У Платона идея выражена в форме понятия и отнесена к знанию, которое, как и сам мир, должно включать в себя единство противоречивых определений. Истина есть тождество противоположностей, резюмирует Гегель рассуждения Платона.

Платон был учеником Сократа, но, в отличие от учителя, в делах человеческих апеллировал не к личности, а к общности людей. Платон не проповедует мораль, а излагает систему нравственности. Этим он особенно близок Гегелю. Афинский мудрец, как впоследствии и берлинский философ, целиком уповает на государство как на основу нравственного мира. Однако каждый — сын своего времени. Для Гегеля государство — орудие укрепления частной собственности; Платон в своем «идеальном государстве» упраздняет не только частную собственность, но даже и институт брака; его утопические взгляды — реминисценция ушедших времен: если не родового, то кастового строя.

Как Платон со своим учителем Сократом, так еще более решительно был несогласен с Платоном его ученик Аристотель. Воспитатель Александра Македонского, он сыграл в греческой философии примерно такую же роль, как его наперсник в области политики. Владения македонского царя включали в себя весь цивилизованный мир; система Аристотеля охватывала все существовавшие тогда области знания.

Основной упрек, который бросает Аристотель Платону, заключается в том, что невозможно отделить сущность от того, сущностью чего она является. Сущность заложена в самих вещах, а не находится в потустороннем мире. В аристо-

телевской критике Платона содержались определенные материалистические черты, однако Гегель в своем изложении их тщательно затушевывает. Материя для Аристотеля лишь некая абстрактная возможность вещи — хаотический, инертный материал. Реальностью, действительностью она становится лишь после соединения с формой — активной идеальной сущностью. Форма превращает материю из возможности в действительность, в чувственно-ощутимую субстанцию. Более высокий вид субстанции — ум, душа человека. Наконец, по Аристотелю, существует и некая абсолютная субстанция, неподвижная, но движущая, форма форм — Бог.

Эти колебания отчетливо видны в теории познания. Начало познания Аристотель видел в ощущениях, которые он сравнивал с отпечатком перстня на воске. В достоверности показаний органов чувств о единичных вещах Аристотель не сомневался. Но он не мог объяснить перехода от ощущений к мышлению. Мышление, по Аристотелю, — некая «форма», познающая сущности вещей, то есть их «формы», на том основании, что последние ей сродни, одной и той же божественной природы. Нет ощущения без тела, ум же, согласно Аристотелю, от тела отделим.

Большое значение Гегель придает учению Аристотеля о государстве. Человек, по Аристотелю, — «политическое животное»; государство есть сущность отдельного человека, оно выше и личности, и семьи. В отличие от Платона Аристотель не пускался в описание идеальных форм государственного устройства и лишь отмечал, что править должны «лучшие».

Аристотель — отец логики. Подобно тому, как естествоведник описывает различные виды животных, Аристотель впервые описал формы рассудочного мышления: понятия, суждения, умозаключения. Аристотелевская логика вплоть до Канта не претерпела существенных изменений. Эта логика формальна, хотя в учении о категориях у Аристотеля сквозит идея связи форм мышления с содержанием, с бытием. Категории — это предельно общие понятия, высказывания о действительности. Аристотель насчитывал их десять (сущность, качество, количество, отношение и т. д.). Главная категория — сущность, остальные раскрывают различные ее стороны.

Формализацию логики довершила стоическая школа. Столь же формально и ее моральное учение, особенно прославившее римских стоиков Сенеку и Марка Аврелия. Основной принцип стоической этики — согласие духа с самим собой. Когда такое согласие достигнуто, никакие внешние обстоятельства не могут его нарушить, никакая утрата, ни-

какая боль. Мудрец, господствующий над своими страстями и своим страхом, — идеал человека. Но, ядовито замечает Гегель, это — царское достоинство без царства, стоик уходит из мира, спасая свой внутренний мир и оставляя внешний мир таким, каков он есть.

Прямую противоположность стоицизму представляет собой эпикурейская философия. Если для стоиков истина в мыслимом бытии, Эпикур исходит из бытия в его единичном, чувственно осязаемом виде. Эпикур — материалист, и Гегель, излагая его взгляды, не скрывает отрицательного отношения к ним, а подчас и просто искажает их. Ленин в своем конспекте «Лекций по истории философии» неоднократно отмечает это обстоятельство. Эпикур открыл эмпирическое естествознание. Рассудочным понятиям стоиков он противопоставил чувственную достоверность. В этике это означало признание удовольствия целью человеческого бытия. Эпикур рекомендовал избегать излишеств; жить свободно, легко, без душевного беспокойства — вот его идеал.

Боги не вмешиваются в жизнь людей. Эпикур отвел им место в промежутках между мирами, где они ведут бездеятельное существование, любуясь и наслаждаясь самими собой. У Эпикура, констатирует Гегель, нет конечной цели мира, мудрости Творца.

Третья послеаристотелевская школа — скептицизм. Здесь философия от категории бытия поднимается к кажимости (видимости). Для скептика все мнимо: и мысль, и показания чувств; его цель — невозмутимость, атараксия. Однажды на корабле во время бури скептик Пиррон, указав своим оробевшим спутникам на свинью, которая сохраняла полное равнодушие и спокойно продолжала жевать, сказал: «Вот в такой атараксии должен пребывать мудрец». Скептицизм принадлежит эпохе упадка жизни и философии, но, с другой стороны, это и шаг вперед. В лице скептицизма, отмечает Гегель, разум шагнул так далеко, что все предметное исчезло для самосознания, осталось лишь «одиночество духа внутри себя». Причем паралич мысли — это только одна сторона скепсиса, есть еще «мыслящий скептицизм», выступающий против ложных авторитетов, открывающий дорогу исследованию; положительная философия содержит его внутри себя как некое бродило⁴.

Последний этап в развитии греческой философии — неоплатонизм, сочетавший в себе почти все основные предшествующие учения: Платона и Аристотеля, стоиков, эпикурейцев и скептиков. Согласно Плотину, наиболее авторитетному из неоплатоников, мир возникает вследствие

эманации (истечения) Бога. Чистое бытие, «всеединое», Бог выделяет из себя дух, который, в свою очередь, порождает мировую душу, дробящуюся на отдельные души. Последней ступенью эманации, угасания божественного начала служит материя. Учение о целостности мира, познание природы духа неоплатониками есть не «шальная философия мысли», а шаг вперед человеческого духа в направлении к христианству⁵. Так заканчивается более чем тысячелетняя история греческой философии, которой Гегель в своем курсе уделяет главное внимание (ей посвящены две трети текста лекций).

Следующее тысячелетие — с VI по XVI век — Гегель пробегаёт, «надев сапоги-скороходы». Рассмотрение средневековой философии начинается с арабов. Но Гегель лишь перечисляет имена: Аль-Фараби, Авиценна, Альгазали, Аверроэс. Заслугу этих мыслителей он видит в том, что они сохранили Аристотеля, которого в течение долгого времени на средневековом Западе знали лишь по арабским переводам и комментариям. В целом, по произвольному утверждению Гегеля, арабская мысль «малоинтересна» и «не составляет самостоятельной ступени в истории философии»⁶.

Впрочем, то же самое Гегель говорит и о западной схоластике, которую он рассматривает лишь как богословие. Схоластика — это «блуждание сухого рассудка в ветвистом лесу северной германской природы»⁷. Наука выродилась, превратилась в игру силлогизмами, тон задавали невежественные монахи. Мировой разум свихнулся. (Гегель употребляет слово «verrückte», что означает одновременно «сместился» и «сошел с ума».)⁸

Альберта Великого Гегель изображает чем-то вроде колдуна и рассказывает анекдоты о его невежестве, о том, будто бы он представлял себе стоиков как певчих в хоре: они де облекали свою философию в стихи и стоя распевали их, отсюда и название «стоики». Пифагора и Платона тот тоже считал стоиками.

Фоме Аквинскому Гегель посвящает один абзац, Роджеру Бэкону — две строчки, Сигеру Брабантскому, знаменитому аверроисту, вольнодумцу и еретiku, — ни слова. Впрочем, ни слова не говорит он и о Мейстере Экхардте, немецком мистике, которым увлекался в молодые годы. Следовательно, дело не в том, что Гегель недостаточно знал средневековую философию, а в том, что она не укладывалась в его схему прогрессивного развития логического мышления. Средние века, как и восточная мудрость, привлекали романтиков, а Гегель не разделял их симпатий. Сказывалась также и его,

характерная для протестанта, вражда к духовному миру католической религии, безраздельно господствовавшей в эпоху феодализма.

Конец господству католической схоластики кладет Возрождение. Возрождается прежде всего интерес к античной культуре — искусству и философии. Только теперь Европа по-настоящему знакомится с Аристотелем. Самым выдающимся аристотеликом и аверроистом того времени был итальянец Помпонаци. Аверроисты утверждали, что всеобщий, «активный» интеллект имматериален и вечен, а индивидуальная душа смертна. Это учение давно было осуждено Церковью, и Помпонаци чудом избежал расправы.

Во Флоренции возникает академия, где изучают Платона и неоплатоников. Сообщая об этом, Гегель умалчивает о важной детали: в Средние века неоплатонизм подчас выступал как оболочка вольнодумных идей, направленных против ортодоксального христианского учения о персонифицированном Боге-творце: теория эманации сближала Бога и природу, подготавливала почву для их полного слияния, для пантеизма.

Впрочем, разбирая взгляды Джордано Бруно, которому он уделяет большое внимание, Гегель фактически это признает. «Великому воодушевлению, которым горела его душа, — пишет Гегель о Бруно, — он жертвовал своим благополучием. Это воодушевление не давало ему жить спокойно. Скажут сразу: это была беспокойная голова, человек, который не мог ужиться с людьми; но откуда у него такое беспокойство? Он не мог ужиться с конечным, дурным, пошлым, отсюда его беспокойство. Он поднялся до сознания всеобщей субстанциальности и устранил то разлучение самосознания с природой, которое одинаково уничтожает обоих»⁹. Две идеи Бруно особенно близки Гегелю: идея единства противоположностей и попытка понять Вселенную в ее развитии. За последнее Бруно заплатил жизнью.

Средневековая философия отрывала мир мысли от мира реального существования. Философия Нового времени ищет пути их слияния. Дух и природа, мышление и бытие — такова основная противоположность, и философия распадается на две формы ее разрешения, реалистическую и идеалистическую. Реализм выводит содержание мысли из восприятия, из физической природы, идеализм исходит из самостоятельности мышления. Здесь Гегель подошел к постановке основного вопроса философии; то, что он неточно характеризует как «реализм», есть материализм. Бэкон и Бёме, родоначальники новой философии, противостоят друг

другу как две первые попытки подойти к решению проблемы духа и природы с противоположных позиций.

Фрэнсис Бэкон — родоначальник опытных наук. Их требованиям Бэкон и подчинил свою философию. Впервые в истории он всесторонне разработал индуктивный (то есть идущий от частных факторов к обобщениям) метод познания. Обоснованию этого метода посвящено основное произведение философа — «Новый органон». Здесь содержатся анализ деятельности человеческого интеллекта и критика ложных понятий, препятствующих опытному знанию. Четыре группы ложных идей и предрассудков — «идолов», как их называет Бэкон, — мешают познанию. Во-первых, это «идолы рода», коренящиеся в ограниченности человеческого ума и несовершенстве органов чувств. Ум человека Бэкон сравнивает с неровным зеркалом, которое примешивает к изображению свои дефекты. Во-вторых, это «идолы пещеры», то есть особенности отдельных людей, которые в силу воспитания по-своему, как бы из пещеры, наблюдают вещи. В-третьих, это «идолы рынка», то есть ошибки познания, вызванные двусмысленностью слов, употребляемых учеными и толпой. Наконец, познанию мешают «идолы театра», то есть слепая вера в авторитеты, в каноны, в идеалистические догмы. Чтобы освободиться от «идолов», нужно исходить только из опыта, из непосредственного исследования природы.

Более пространно и с большей симпатией, чем об английском лорде-канцлере Бэконе, Гегель пишет о немецком сапожнике Якобе Бёме. Мечтательный фантаст, начитанный в Библии и немецких мистиках, то и дело впадавший в состояние экзальтации, Бёме писал книги, полные грубых образов, религиозной фразеологии и диалектических идей. «Поди сюда, — обращается он к дьяволу, — ты, черняк, чего хочешь? Я тебе пропишу рецепт». Никакой системы да и просто логики у Бёме нет. Единственная идея, проходящая красной нитью через все его творчество, — это троичность сущего. Бёме — пантеист; Бог для него есть все: тьма и свет, любовь и гнев. Противоположности погружены друг в друга; все вещи пребывают в «да» и «нет», причем «да» не существует отдельно от «нет», две вещи суть одна вещь; сущее разделяется на два начала, которые находятся в постоянной борьбе; если бы этого не было, все вещи были бы ничто и стояли бы тихо, без движения. «Содержание его учения, — приходит к выводу Гегель, — носит подлинно немецкий характер из-за его протестантского начала — неотесанная глубокая немецкая душа способна мыслить самое сокровенное»¹⁰.

XVII век — эпоха рассудочного мышления. Эмпиризм спорит с рационализмом, но расхождения их носят второстепенный характер, оба не выходят за пределы метафизического метода, господствующего и в частных науках, и в философии. Основоположителем рационализма — философского направления, признающего рациональное мышление единственным источником истинного знания, является Рене Декарт. Мышлению нужно расчистить дорогу при помощи сомнения. Однако Декарт не скептик, усматривающий в самом сомнении цель философского исследования, он выступает не против рассудка, а против предрассудка. Сомнение — это лишь средство найти незыблемый исходный пункт философии. Сомневаться можно, по Декарту, в показаниях органов чувств, в подлинности окружающей человека действительности, в существовании собственного тела. Нельзя только усомниться в реальности самой сомневающейся мысли. Мышление, следовательно, единственно достоверный факт. Отсюда Декарт выводит свое знаменитое положение: «Мыслю — следовательно, существую».

Отправляясь от факта существования собственного «я», то есть мыслящей души, Декарт переходит к доказательству существования Бога, а затем и материального мира. Бог — Творец Вселенной, состоящей из двух независимых субстанций — духовной и телесной. Атрибутом тела служит протяженность, атрибутом души — мышление. В качестве посредника между этими двумя субстанциями выступает Бог, установивший точное соответствие между изменениями в теле и душе. Истина постигается непосредственно мышлением. Наряду с идеями, возникшими на основе показаний органов чувств, Декарт признавал существование врожденных идей. К числу последних он относил, в частности, математические аксиомы и на этом основании ставил математику выше других наук.

Декарт — один из родоначальников точного знания, отцов механики. Принципы механики он стремился распространить на всё естествознание, в том числе и на понимание жизни. Отсюда ведет происхождение механицизм как упрощенное рассмотрение природы. Животное для Декарта — машина.

Дуализму Декарта противостоит учение о единой субстанции, выдвинутое Бенедиктом Спинозой. Субстанция не находится в зависимости от какого-либо находящегося вне ее божественного Творца, она есть «причина самой себя», она есть Бог, она же природа. Мышление наряду с протяженностью Спиноза считал атрибутом субстанции, то есть

всей природы. Движение Спиноза рассматривал лишь как модус (временное свойство) субстанции. В состоянии движения находятся единичные вещи, представляющие собой временное состояние, видоизменение неподвижной субстанции, Бога. Скептик Бейль острит по этому поводу: Бог Спинозы, модифицированный и в турка и в австрийца, ведет войну с самим собой.

Богословская терминология Спинозы открывает возможность идеалистической интерпретации, чем Гегель не преминул воспользоваться. Он отводит от Спинозы обвинение в атеизме. Между тем яростные нападки духовенства и приверженность к Спинозе всех вольнодумцев не оставляют сомнений в истинном характере его учения. Спиноза подрывал религию не только растворением Бога в природе, но и научной критикой Священного Писания, основоположником которой он явился.

Значительное место в учении Спинозы занимает этика. Человек, руководствующийся аффектами, находится у них в рабстве. Выйти из этого состояния можно только посредством знания, самым высшим видом которого является интеллектуальная интуиция. Когда дух приходит к пониманию вещей как необходимых, он обретает власть над аффектами, обретает свободу. «Свобода есть познанная необходимость» — автором этой полюбившейся Гегелю формулы был Спиноза.

Несколько иного рода материалистическое учение возникает по ту сторону Ла-Манша, где идеи эмпирика Бэкона нашли питательную почву. Метафизирующий эмпиризм — так Гегель определяет философию Джона Локка. Спиноза начинал с аксиом и дефиниций. Локк прежде всего интересуется происхождением общих понятий. Существование врожденных идей он отрицает: в интеллекте нет ничего, чего бы ранее не было в чувствах. Ощущение — источник любого знания; до чувственного общения с миром душа — «чистая доска», опыт пишет на ней свои письма.

Науки, построенные на опыте, приняли логику рассуждений Локка. Но философа, отмечает Гегель, она не может удовлетворить. Остается по-прежнему неясным, каким образом единичное восприятие принимает форму всеобщности, характерную для понятия.

В рассуждениях Локка есть еще одно слабое место — разделение качеств вещей на первичные и вторичные. Первые (протяженность, плотность, движение и т. д.) являются реальными, объективными; вторые (цвет, запах, звук, вкус) порождены нашими органами чувств. Отсюда ведет свое

происхождение субъективный идеализм Беркли, для которого и первичные качества вещей суть человеческие представления. Существовать для Беркли — значит быть воспринимаемым. Гегель называет это учение «самой плохой формой идеализма». Отрицательно оценивает он и позицию Юма, «завершившего локкеанизм». Согласно Юму, человек имеет дело с ощущениями, использует их данные, но ничего не может сказать об их источнике; всеобщность знания — лишь результат привычки.

Скептицизм Юма был направлен не против научного знания, а против религии и догматизма. Поэтому он пользовался широкой популярностью у французских просветителей. Их философию Гегель справедливо характеризует как материализм и атеизм. «Природа не Бог», — утверждал Дидро, как бы отмежевываясь от пантеизма Спинозы. Гегель видит во французском материализме необходимую ступень развития философской мысли, но признает за ним в основном «негативное» значение как силы, разрушавшей выродившуюся религию, изживший себя политический строй, устаревшие правовые и моральные нормы. Некоторое позитивное содержание — «идею всеобщего конкретного единства» — он отмечает в «Системе природы» Гольбаха и еще больше у Робине. По-прежнему, как и в молодые годы, Гегель полон симпатий к Руссо. Здесь он особо фиксирует внимание на руссоистском учении о всеобщей воле, отличающейся от суммы всех единичных волей.

Немецкое Просвещение имело свои отличительные особенности. Здесь были живы традиции Лейбница, философия которого в равной мере противостояла как Спинозе, так и Локку. Лейбниц выдвинул идею бесконечного множества индивидуальных субстанций. Он называл их монадами и видел в каждой замкнутый, неповторимый мир. Лестница монад ведет от неорганической природы к живому организму и сознанию. Между монадами отсутствует какая-либо связь, поэтому эмпирические основы познания Лейбницем отвергаются. Знание истины возможно только как «предустановленная» Богом гармония в движении мыслящих и телесных монад, подобно тому, как двое часов с одинаковым ходом независимо друг от друга показывают одно и то же время.

Систематизатор Лейбница Христиан Вольф первоначально чуть не заплатил головой за неудачную популяризацию идей своего учителя. Прусскому королю Фридриху Вильгельму почудилось, что учение о предустановленной гармонии означает отрицание свободы воли и, следовательно, солдаты, дезертирующие из его армии, выполняют особые

предначертания Бога и не ответственны за свои действия. Под страхом виселицы Вольфу было приказано покинуть прусские владения в течение сорока восьми часов. Впоследствии, однако, Вольф был признан и в Пруссии. От него ведет происхождение так называемая «популярная» философия, ставившая целью повсеместное распространение философских знаний, не выходящих за пределы рассудочной метафизики.

Решительный поворот к диалектике происходит лишь в «новой немецкой философии» (мы теперь называем ее классической), которую Гегель начинает не с Канта, а с Фридриха Якоби. Значение Якоби состоит в том, что он четко указал на ограниченный характер рассудочного мышления, всегда остающегося в пределах механистического миропонимания. Только внутреннее откровение, интуиция, вера дают истину, знание о Боге. Бог не может быть доказан. В связи с Якоби Гегель мельком упоминает о распространении в Германии идей Спинозы, который в не меньшей степени, чем Лейбниц, был властителем немецких умов во второй половине XVIII века.

Канту Гегель посвящает самый большой раздел из тех, что написаны о послегреческой философии, примерно столько же, сколько о Сократе (но в два раза меньше, чем о Платоне). Для Канта у него припасены и похвальные оценки и резкая хула: «Человек не так глуп, как эта философия». После Канта — Фихте; затем коротко о романтиках, о Шеллинге; раздел о себе он назвал скромно: «Результат». Хотя никакая философия не идет дальше своего времени, писал он, «теперешняя стадия ее характеризуется тем, что идея познана в ее необходимости»¹¹. Вот и все.

Цель достигнута, два с половиной тысячелетия понадобились на достижение истины, и Гегель не может не посетовать на то, как «лениво и медленно работал мировой дух». В заключение Гегель еще раз окидывает взором путь, пройденный философской мыслью, фиксируя основные вехи. Он говорит о том, что пытался развернуть перед слушателями поступательное движение духовных формаций человечества. Эта длинная процессия духов суть отдельные биения пульса единой субстанции, которая живет в каждом человеке. Завершая курс, Гегель, перед тем как покинуть кафедру, на прощание желает студентам всяческих благ. Вперед — каникулы.